

СНАЧАЛА ЛЮБИ, А ПОТОМ УЧИ!

Беседы с Владой Владимировной Воскресенской

Влада Воскресенская — совершенно необыкновенный педагог из города Кстово Нижегородской области. Она ценит в детях неформальные успехи в учебе. Прежде всего, её интересует их живая душа. Она стремится приобщить ребят к вековым духовным ценностям. Ее методика проста и в то же время необычайно трудна: она основана на любви и сострадании к ученикам. Влада Владимировна говорит с ними о вещах благородных и высоких, приучает школьников уважать и развивать в себе нравственное духовное начало и светлую личность. Её слова не падают в пустоту, но ложатся ребятам на душу, потому что дети чувствуют, что этому человеку они небезразличны. Что ж, таков неизменный закон настоящей жертвенной любви.

Она всегда порождает ответное душевное тепло.

— *Влада Владимировна, расскажите немного о себе. Ваша жизнь как-то менялась или вы всегда были верующим человеком?*

— Конечно, многое менялось. В день начала войны мне было восемь лет, в войну я жила в городе Кстово. У меня не было родной мамы с года и четырех месяцев. Папа привез меня сюда из Ленинграда. Я родилась в нашей Северной столице. Бабушка меня тайно крестила в 1934 году. Покрестили — и всё, про Бога мне никто ничего не говорил, было запрещено тогда. Папа у меня работал учителем и художником, мама приёмная тоже работала учителем, причём ей запрещали преподавать в старших классах, потому что она

ШКОЛА

получила образование в Швейцарии, в Лозанне. Я с ней прожила до шести лет, и папа мой женился на другой, в Кстово мы приехали уже с другой мачехой. Когда я была в классе третьем, девчушка из класса мне и говорит: «Влада, а ты знаешь, что Бог есть?» Я говорю: «Не знаю». А она говорит, что Бог есть и Он помогает. А вторая мачеха у меня была строгая женщина, и, конечно, были разные детские обиды. Часто иду из школы и боюсь, что дома будет, а сама про себя повторяю: «Господи, помилуй, Господи, помилуй!».

Война, родители всегда на работе, было тяжело, и спасалась одним только «Господи, помилуй!». А после восьмого класса моя первая мачеха забрала меня к себе жить, она была очень порядочным, удивительным человеком. Школу я успешно закончила. Мне всегда хотелось стать самостоятельной, и я сразу после школы решила поступать в педагогический институт — и поступала только с «Господи, помилуй!». Напротив педагогического института, в Нижегородском кремле, есть храм Михаила Архангела, он тогда не работал, но из окон института был виден крест этого храма. И вот я когда шла на экзамен, то смо-

трела на этот крест и говорила: «Господи, помилуй!». Ни одной молитвы в детстве нам не дано было знать, никто об этом в то время даже не говорил. Дома у нас папа умудрялся устраивать рождественские и пасхальные праздники, не объясняя нам, что именно это за праздники, потому что всё было запрещено.

Учиться было очень трудно, жила я сначала на частной квартире. Потом мне дали комнату в общежитии, так как была я человеком активным и в институтской жизни принимала участие. А потом я еще на свое место подружку устроила жить, так вместе институт и заканчивали. Хозяйка квартиры, где я жила вначале, была верующей женщиной, она иногда в церковь меня брала перед сессиями. Всю жизнь я чувствовала помощь от молитвы. Закончила институт, вышла замуж. Когда родила вторую дочь, у меня началась легочная температура, держалась она у меня полгода. Меня направили в санаторий, я съездила, но ничего не помогло, а когда в Нижний приехала за продуктами, встретила там у рынка свою бывшую хозяйку и рассказала ей, что у меня температура, а врачи болезнь определить не могут. Она мне говорит: «У тебя денег сколько-

нибудь осталось?» Я отвечаю: «Есть немного». Оставила себе на дорогу 40 копеек, а остатки мелочи отдала ей на свечи, о здоровье поставила. Приезжаю домой, температура пропала, а была из вечера в вечер типичная лёгочная температура: 37,2 — 37,3 — и изматывающее состояние. Дети у меня были некрещёные до 23 лет, потому что я работала в системе образования.

Когда я составляла свою первую программу о духовно-нравственном воспитании, я ещё не знала, что из неё получится. Это было в начале перестройки, когда разрешили создавать частные курсы. Шел 1990—1991 год, до этого я кроме «Господи, помилуй!» ничего не знала, но Господь вел меня через всю мою жизнь. Крест, который я носила, подарила мне хозяйка квартиры. Я привязывала его к нижнему белью. Не дай Бог, чтобы кто увидел. Мне всегда попадались верующие люди, но до конца православием я все равно не прониклась, только потом, когда уже чего-то добилась, пошла духовная литература. Вначале были духовно-нравственные книжки. Меня интересовал вопрос: почему внешне воспитанные люди внутренне бывают абсолютно некультурными?

— *То есть внешняя воспитанность не есть духовность?*

— Даже не так. Внешняя воспитанность это не есть внутренняя культура, нравственность и духовность. Разные есть люди. И я задумалась: в XIX веке внутренняя культура была, куда ж она вся делась-то? Я сделала запрос в областную библиотеку. К этому времени я уже вышла на пенсию — 55 лет мне было, меня пригласили вести уроки по педагогическому профилю в УПК. Я сказала, что буду составлять свою авторскую программу. Как раз наступило время, когда это стали разрешать. Директор предложил мне собрать частные курсы гувернанток. Я согласилась, но какая девочка выйдет с наших курсов? Надо, чтобы это были гувернантки с внутренним нравственным стержнем. Вот из таких размышлений и родилась моя первая программа. Я сделала запрос в областную библиотеку: «Прошу прислать мне литературу по нравственной этике XIX века», — и приписала: — «Потому что я считаю, что тогда люди были действительно воспитанные». И они мне прислали через нашу библиотеку семь книг. Когда я их все перелистала, то была потрясена. Три книжки я переписала от руки, одну законспектировала, остальные

ШКОЛА

просмотрела. По двум сложился курс лекций, одна книга была написана монахами, у них даже не было принято авторов писать, потому что они — смиренные. Это мой самый любимый цикл лекций, который я уже семнадцать лет читаю. Сначала читала ученикам, потом всем учителям дала, теперь на базе этих лекций семинар сделали. Потом уже учителям стала читать, чтобы они могли классные часы вести. И сколько я потом литературы ни просматривала, таких книг уже не встречала. Много есть разной литературы о духовно-нравственном воспитании, но такой нет.

Книги переписывала по ночам. По книге «Умение жить в обществе» у меня составилась курс духовно-нравственной этики. Когда я этот курс составила, подумала: а что я буду ждать конца года? И начала читать их в учебном классе, а у меня тогда было до тридцати уроков в неделю. Этот УПК — педагогический профиль, и я считала своим долгом выпустить людей, которые хотят стать педагогами с понятием о духовно-нравственном воспитании. И как интересно изменилось наше общество за эти годы! Вот когда я только начала их читать, — а семнадцать лет прошло, — детей даже сле-

за прошибала, а сейчас некоторые даже и не понимают, зачем им всё это, сердца деревенеют, страшно на это смотреть. Мне так печально...

Когда первый год проработала с этой программой, то приехала в гороно и говорю заведующей: «Светлана Александровна, я такой интересный материал раскопала, давайте дадим его учителям». Она говорит: «А ты думаешь, тебя примут, чтобы ты их учила?». Учителей учить трудно, она мне очень хорошую заповедь дала — я когда с учителями работать начинаю, первое, что говорю им, это следующее: «Хочу поделиться с вами тем, что мне удалось найти». Поделиться — это совсем по-другому звучит и воспринимается. А раньше на курсах гувернанток произошло интересное дело. Был 1992 год, и официально мы в первый раз ввели Закон Божий. Я уговорила местного батюшку Виктора — он удивительно вел занятия, не по учебнику, а все время рассказывал. Так получилось, что сначала был мой курс лекций по духовно-нравственной этике, а потом — его слово. А люди ведь на курсы все случайные пришли. Одна моя ученица занималась экстрасенсорикой. После наших курсов она полностью оставила эти занятия и теперь

Беседы с Владой Владимировной Воскресенской
Сначала любви, а потом учи!

стала катехизатором и просветителем по школам. Вот так всё складывалось.

В училище я преподавала педагогику и психологию, а в школе — методики. И на мой профиль стали проситься, дети начали изменяться. Они приходили ко мне в девятом классе, «все из себя», кто сумку швырнет, кто чего грубо скажет. И я начинала их поворачивать внутрь себя, выстраивая занятия следующим образом: первый год у меня шёл просто этикет, но не внешний, а обязательно с призывом работать над собой. А на третьем-четвёртом уроке я подводила их к мысли о том, что воспитание — это одно, а самовоспитание — это уже на ступенечку выше. Самовоспитание — труд души. Такая тема давалась на третьем уроке, потом шли уроки о том, как ухаживать за собой, что такое внешняя и внутренняя красота девицы, что такое понятие женственности. О женственности было несколько уроков: что такое уметь себя держать, общаться, быть женщиной в общении. Это всё относилось к этикету, и целый год был этому посвящён, а параллельно шло обучение рисованию. Последнее имело свое значение. Не столько важно, чтобы они художниками стали, а чтобы они овладели цветом, кистью

и чтобы у нас в это время шло общение. Когда человек рисует, независимо от того, как бы ему ни было плохо, он успокаивается. У меня все научились рисовать.

— *Вы рисуете?*

— Рисую.

— *А есть работы?*

— Здесь, дома, нет. Если будет встреча в рабочий день, то проведу вас в класс, где я учу своих учениц. Там у меня выставка. Кроме духовно-нравственной программы, у меня ещё есть программа — детей же надо всему учить, чтобы их занять. Поэтому я учу рисованию так, чтобы они умели научить других. Программа включает психологию, духовно-нравственную этику и уроки практические, когда можно общаться.

Каждый с профиля выходил к одиннадцатому классу со своим методическим альбомом «Последовательность обучения рисованию». Главный принцип моей работы: сначала любви, а потом учи. Сначала надо очень любить людей, какие бы они ни пришли. А люди приходят разные, иногда приходится приучать себя их любить.

— *А разве можно приучить себя любить кого-то?*

— Можно. У меня есть к этому свой подход. Во-первых, я

ШКОЛА

обязательно об этом человеке молюсь, когда они у меня сидят на уроке, я подхожу сзади и тихонечко читаю «Отче наш». Был случай: пришли две девушки — не подступиться, ничего не надо, неинтересно. Я в течение двух месяцев буквально себя истязала, приучала себя их любить. В школе они учились плохо, а у меня начали «пятёрки» и «четвёрки» получать, я иду, а они издали со мной здороваются. А потом я узнаю, что у одной мама одинокая, друга всё себе ищет, у другой тоже не всё в порядке в семье. Они, получается, брошенные, так что их не только любить надо, а и жалеть. Они у меня закончили хорошо, хотя из школы их выгнали. По моему предмету у них «четвёрки» и «пятёрки» были. Школа на меня обиделась, а я сказала, что они заслужили эти оценки. Они всё сделали — и работы написали, и рисунки принесли. Они со мной всегда здороваются и по-доброму относятся. Обычно ученики так делать отучились и учителей забыли. Однажды дали мне семь мальчишек, а у меня же педпрофиль, девчонки одни, а я должна была подводить их к пониманию жизни. И вот один мальчик поначалу совсем меня не воспринимал. Придёт и делать ничего не хочет: «У меня листка нет!». А у меня принцип

такой: всё в классе заранее приготовлено, я обхожу спонсоров, набираю 1000—1500 рублей и обязательно всё покупаю, чтобы любой лентяй был у меня всем обеспечен. И вот однажды я ему говорю: «Максим, я тебя когда-нибудь чем-нибудь обидела?» Он отвечает: «Нет». «А что ж ты меня стараешься так обидеть? Я же говорю вам то, что тебе по жизни понадобится, где бы ты ни был. Ты физику, математику можешь не знать, но то, как жить с людьми, тебе знать понадобится». И он у меня на «четвёрки» закончил.

Прошло два года, у меня был ремонт, надо было клей для плитки привезти. И вот я иду и не знаю, как мне привезти этот клей. На дороге стоит машина, и выходит из нее Максим — специально со мной поздороваться. Я ему говорю, что, наверное, он мне на счастье попался.

В итоге клей он мне этот принёс, на четвёртый этаж поднял. А с чего начали? «Ничего не хочу, ничего не буду». Вот что значит любить. Любить надо ученика независимо от его поступков, потому что каждому поступку есть внутренний позыв: или его дома не любят, или он брошен. Это по-разному проявляется. В художественной школе меня у малышей попросили провести

Беседы с Владой Владимировной Воскресенской
Сначала любви, а потом учи!

урок, там все с родителями приходят. Меня поразила одна особенность: там одна девочка как придёт, так ко мне прижмётся и старается не отходить. Девочке пять лет. Я стала наблюдать: мама внешне очень холодная, она старается дочь развивать, водит её в разные кружки, а вот любви к ней нет, вернее, может, и есть, но она её никак не выражает, на отдалении ребёнка держит. А девочка прямо льнёт ко мне: где прижмётся, где за руку возьмёт, чтобы только ощущать тепло человеческое. Я сравниваю подход к Максиму и к этой девочке: он один, любовь нужна, участие. Это во всех вопросах. И когда на конференции шло обсуждение «Переправы», я вас всех слушала, и у меня был один вопрос: знают ли они, что в первую очередь надо любить? Когда любишь других, то и с тобой все как-то очень здорово получается.

Вы задавали вопрос, с кем мне приходится работать. Первое — это ученики школ. Стабильные занятия у меня шли в УПК и на курсах гувернанток. Курсы гувернанток я провела только один год, второй год не стала набирать, но работа на этих курсах, работа с бабушкой дала мне ключ к этим лекциям. Я начала вести постоянно действующий семинар для

учителей школ, у меня все школы города Кстово на этих курсах перебивали. Не все учителя были готовы принять всё сразу, понять, но многие пошли после этого в храм. Это постоянно действующий семинар, сначала я его одна вела — о духовно-нравственном воспитании, а потом это был семинар уже вместе с бабушкой. Отец Лев Южков, он сейчас в Сарове. С этим семинаром мы проработали двенадцать лет. Он начинался с двенадцати человек. Сначала учителя приходили от школы по списку, а потом — все желающие. Начали мы, как я уже говорила, с двенадцати человек, потом семинар увеличился примерно до сорока человек. Он разросся за счет родителей, бабушек, верующих людей, которые с бабушкой хотели пообщаться. Этот семинар — вне церкви, он очень многих привлёк. Сейчас мы работаем с другим бабушкой, и этот семинар разросся в лекторий. В этом году в классе мы уже не умещались, был целый зал. Там я уже не эти лекции читала — весь материал давно прочитан, там занятия проходили по материалам книги митрополита Антония Сурожского. Я его очень люблю, равно как и материалы Николая Пестова. С 90-х годов минувшего века я регулярно езжу на Рождественские чтения, от-

ШКОЛА

туда привожу все книги. У меня в школе скопилась большая библиотека, и дома — собственная библиотека.

После того, как я стала читать духовную литературу, от светской совсем отказалась, потому что в духовной — глубины необъятные. Получается, первый круг — ученики, второй круг — учителя, третий — постоянно действующий семинар. Когда был жив владыка Николай, я эти семинары вела очень долгое время на общественных началах, а потом один кандидат в депутаты мне помог. Мы попали на приём к владыке и с его благословения создали Православный просветительский центр. То есть ту деятельность, которую я вела пять-шесть лет просто так, на общественных началах, мы взяли под эгиду Центра. Это многое нам дало. Во-первых, если раньше я приходила просто как учитель, то сейчас — как руководитель Православного просветительского центра. Мы начали организовывать конференции по духовно-нравственному воспитанию, проблемам молодёжи, демографическому положению в России. Три года подряд работали по теме «Святые России», сейчас взяли тему «Мир дома твоего».

А еще я являюсь внештатным методистом отдела образо-

вания епархии. По области стала ездить полтора года назад. Началось всё с того, что меня позвал в Урень батюшка Валерий. Я согласилась, потому что у меня есть что сказать людям. Первый семинар был с учителями. Я ставила себе следующую задачу: сначала, прежде чем их чему-то учить, их надо разогреть, чтобы они были готовы это воспринимать, и я начинаю всегда с самых простых вопросов. Что мы собой представляем, как мы живём, как строятся наши отношения в семье и т.д. Беседа у нас шла часа четыре, они сначала удивлялись, потом начали поплакивать, записывать, а по окончании они все сказали, что им нужен ещё один такой семинар. Это был конец весны, а осенью меня туда опять привезли, и мы уже проводим всё по-другому. Сейчас у меня выработался очень действенный семинар: когда я прихожу в школу, то провожу открытый урок по начальным классам, веду с детьми разговор о душе, о смысле жизни, о поведении.

— *Детям интересно?*

— Очень. Вот, например:

«— Знаете ли вы, что у человека есть душа?»

— Есть.

— А как можно говорить про душу?»

— Глаза — зеркало души. Душа ушла в пятки.

— А от чего она уходит в пятки?

— Когда испугаешься.

— А почему же, когда мы боимся, душа у нас робеет, а не мы сами убегаем в пятки?»

Объяснить им это трудно, но они начинают понимать, что душа внутри нас трепещет.

«— А когда душа у нас радуется?»

— Когда родители не ругаются, когда все дома, когда мама похвалит».

У каждого возникают свои моменты, и они в них раскрываются. Учителя на этом открытом уроке свою душу начинают ощущать. Таким образом, я с ними беседую, а заканчиваю сказками духовно-нравственного содержания. Я их приобрела у одной сказительницы на прошлогодних Глинских чтениях. Она пишет современные сказки духовно-нравственного порядка. Я отбираю нужные мне сказки, заучиваю и не читаю их детям, а рассказываю. Я не называю их сказками, я говорю: расскажу одну историю. Могу сейчас вам рассказать одну из сказок:

«Умирал старик, лежал в своей избе один. Перед ним на табуретке стояло блюдце с прокисшей картошкой и кружка — пустая, с

дохлой мухой на дне. Он давно уже лежал, не вставал, соседка иногда забегала: когда картошку сменит, когда попить принесёт. И никто к нему больше не приходил. И нельзя сказать, что он был сирота, были сын и дочь. Дочь приезжала, только когда картошка уродится. Картошки наберёт, уедет в город, а сын пил, свою семью чуть кормил, и ехать туда старику нельзя было. Так и лежал. Но соседка, Пантелеевна, жалко ей было его, тихонько от старика дала сыну знать, что отец-то помирает. Сын приехал со своим сыном. «Ты еще живой лежишь? Ну, ладно, днем раньше, днем позже...». Расстелил мешковину и стал всё добро туда складывать, старик лежал безучастно, ему не было жалко вещей, ему уже ничего не было нужно, жаль только, не присели, слова тёплого не сказали. Собрали они всё, увязали в узел и ушли. Пантелеевна идёт и спрашивает: «Что, побывали гостенёчки-наследнички, обобрали всё, что ли? А если ты поправишься?». — «Да что ты, Пантелеевна, разве я поправлюсь? Вот холода настанут, печку я топить не смогу, дров у меня нет, так и помру потихоньку». Ушла Пантелеевна, остался старик один, и так ему стало тошно, и взмолился он: «Господи, облегчи, смилуй-

ШКОЛА

ся, если можешь, облегчи». И заплакал, первый раз за всю болезнью. Сколько времени прошло, не знаю, вдруг шорох в коридоре. Старик говорит: «Заходи, мил человек, у меня не заперто. Ночь на дворе, заходи». Зашла баба, дородная такая, старик приглядывается в темноте, неужто смерть теперь такая дородная ходит. «Садись, устала с дороги, а если спать хочешь, то там тряпки какие-то остались: постели да спи». Баба послушалась, постелила, и старик, слыша её посапывание, первый раз уснул как младенец, первый раз не один в этой избе. Утром проснулся, занавески на окнах, чисто, кашей пахнет, он каши-то тёплой сколько уж не ел, и баба перед ним стоит с чашкой и кувшином: «Давай умоемся, а то от тебя старым козлом несёт». Засмеялся старик. Умылся.

— Как же тебя, милая, зовут?

— Клавдея.

— А как же ты меня нашла?

— Да муж мне велел.

— Какой муж?

— Он двенадцать лет как умер и привиделся мне. Ты у Бога просил помощи?

— Просил.

— Вот муж мне и привиделся. Говорит: «Клавдея, я большой грех на душе имею, боль-

шие деньги украл». Объяснил мне, где они лежат, велел взять и идти к тебе сюда, потому что и ему облегчу, и свою душу буду спасать. Вот я и пришла. Сейчас пойду молока куплю да подушку тебе новую.

Ушла Клавдея, а старик не знает, как Бога благодарить. Клавдея вернулась, молоко в кружку наливает, а старик: «Там муха дохлая». Клавдея говорит: «Давно я кружку твою вымыла, нет там мухи». Пьет старик молоко, а сам все муху ту ищет.

— Как же это так случилось, Клавдея?

— А кто у Бога чего с верой просит, тому и варёная курица яичко сносит».

Эту историю я рассказываю на родительском собрании и говорю: «Милые мои, не доживите до дохлой-то мухи». Как надо выстраивать отношения в семье, чтобы дохлой мухи в кружке не было?

Когда я в Урень второй раз приехала, то провела сначала открытые уроки по классам. А со старшеклассниками я уже целый зал беру. Там первый вопрос, который я задаю: любите ли вы себя? И умеем ли мы себя любить? Потом идет по этому вопросу разговор. Старшеклассникам я рассказываю историю о брошенных детях, в среднем звене рассказываю об отноше-

Беседы с Владой Владимировной Воскресенской
Сначала любви, а потом учи!

ниях. Вечером — обязательно собрание с родителями. Получается, днем — работа с детьми по трём возрастным категориям, затем — работа с учителями и с родителями. С учителями семинар только на той почве, чтобы осознавали, что им Господь доверил. Их в храм никто сразу не тянет, мы только говорим о том, что такое твоя душа, есть ли у тебя душа и как ты к ней относишься и т.д. Есть такой интересный момент, у многих учеников бывает с учителями конфликт из-за оценок. Я провожу такой урок — познавательные мотивы. Я объясняю учителям, как подводить детей к пониманию, для чего они учатся, что они учат и не учат. И учащиеся вычерчивают схемку. Я им предлагаю написать все предметы по вертикали, а потом по горизонтали: учу, не учу, иногда учу, люблю и т.д. А потом напротив каждого предмета предлагаю ученикам поставить крестики в зависимости от их отношения к предмету. Отвечают они очень честно. А потом спрашиваю, имеют ли они право на учителя обижаться за плохие оценки? К сожалению, классные часы в школе сейчас превращаются в выяснения: у кого «хвосты», у кого «двойки» и прочее. А проведи эти часы хоть один раз, чтобы они осознали сами себя.

А вечером — обязательно собрание с родителями. Обычно идёт разговор. Я в своем выступлении предлагаю им задуматься: какая душа приходит в мир, думали ли они когда-нибудь об этом. Предлагаю вспомнить родителям своих детей, когда им было еще месяцев по восемь, когда их ещё ничему не учили, когда они только кушают и плачут. А если маме плохо, то ребёнок тянет ручки обязательно её пожалеть. А если родители поссорились, мама раздражённая чем-то, то ребёнок будет плохо спать. Очень тесная связь родителей и детей. Ребёнок сочувствует родителям бессознательно на уровне души.

Ещё я им предлагаю погрузиться в детство, вернуться к самым ярким положительным воспоминаниям. Объясняю родителям, что впечатления детства глубже всех физик, химий, всего, что они потом получали. Потом предлагаю вспомнить, что в детстве их обидело, поразило, о чём тяжело вспоминать. У всех это было, хотим мы или не хотим, мы с этим грузом идём по жизни.

— *Влада Владимировна, расскажите о работе с предпринимателями и военнослужащими, там ведь наверняка совсем другая специфика работы?*

ШКОЛА

— Да, другая. Начнём с предпринимателей. Ведь мне приходится по долгу своей работы обращаться за помощью, когда мы организуем рождественские, пасхальные праздники. Мы в городе организуем эти праздники и раздаём подарки пожилым людям, приютам, детским домам. А дальше после праздников мне надо делегацию на Рождественские чтения отправить. Приходится ходить с «протянутой рукой». У меня выработалась такая методика.

Во-первых, я не просто прошу: дай мне — и всё! Никогда ещё не было случая, чтобы я взяла деньги у людей и не написала записку о здравии их близких и об упокоении их родителей. Я не просто отдаю их в храм, а ещё и для себя переписываю и каждый день о них молюсь.

Во-вторых, мы ведём среди предпринимателей просветительскую работу: книги дарим, с праздниками православными поздравляем. У них хоть что-то остаётся в душе, что не просто из человека деньги выцарапали. Прошу у епархии, чтобы предпринимателям благодарственные письма дали, свои благодарственные письма пишем.

Теперь об отношениях с военными. У нас в городе есть военное училище. Мы сначала провели там конференцию. После

неё мы стали ходить туда с лекциями. Ходим мы туда в следующем составе: идут вдвоём лектор и батюшка. Когда мы работали первый год, то не все командиры взводов поняли цель наших визитов. А там лекции я такие же провожу: любишь ли ты себя, как к себе относишься, а дальше ряд вопросов, которые связаны чисто с военной службой. Во-первых, с чего я начинаю всегда свою лекцию? Я говорю: ребята, я перед вами преклоняюсь. Вы выбрали путь служения Отечеству, а это — не просто. Но ведь это и большая ответственность и т.д.

А дальше начинаем об отношении к себе и об отношении к людям. Я же не говорю, не деретесь ли вы тут — нет. Я говорю, что каждое деяние, которое человек делает необдуманно, потом возвращается ему — иногда очень страшными вещами. Был такой случай в Кстово: мальчишка, лет десяти, ловил птичек и выкалывал им глаза. Потом он вырос, отслужил в армии, пришел и женился. У него родился слепой ребенок. Представляете, что происходит, вы вдумайтесь?! Бездумные поступки, они обязательно откликаются — и, может, не в тебе самом, а в твоих близких.

Ещё проблема, которая там есть, — суициды, огнестрелы.

Беседы с Владой Владимировной Воскресенской
Сначала люби, а потом учи!

Очень важно сохранять мир в душе, а ведь в армию идут выпускники наших школ, а там послушание на нуле. Само понятие послушания было убрано из лексикона нашего — и в семьях его нет. Долгое время послушание считали за унижение, а послушание — это великий подвиг духовный. Я им сначала объясняю эту ситуацию, а потом — почему у них происходят нервные срывы? Вы внешне вынуждены стоять, быть всегда подтянутыми, а внутренне в вас всё кипит. Вот это внутреннее и отражается на вашем здоровье. Необходимо сохранять вну-

три мир, привыкнуть к послушанию, понять, что дисциплина должна быть не внешняя, а внутренняя.

О ранних половых связях мы тоже с ними говорим, что это может навредить как им, так и их будущим детям. Я недавно была в Дзержинске, так они после лекции на исповедь все запросились.

— *А если просто бабушка придёт в часть с проповедью?*

— Не все сразу воспринимают, мы всегда ходим вдвоём, сначала я, а потом обязательно бабушка. Тут тот же принцип: сначала люби, а потом учи. Он касается всех нас без исключения.